

УДК 930.85

ЕЩЕ РАЗ О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ТЕРРАСАХ ДАГЕСТАНА

М. А. Агларов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье рассматриваются вопросы функционирования террасного земледелия в Горном Дагестане, формирования террасных полей, регламентация пользования, система орошения и распределения воды и др.

Problems of functioning of terrace agriculture in Mountain Daghestan, formations of terrace fields, a use regulation, an irrigation system and distributions of water, etc. are considered in article.

Ключевые слова: Дагестан; земледелие; земледельческие террасы; горное орошение.

Keywords: Daghestan; agriculture; agricultural terraces; mountain irrigation.

Висячие сады Семирамиды, которые называют *седьмым чудом света*, – только эпизод гигантского пояса искусственных террасных сооружений, опоясывающих земной шар (рис. 1). Известно, что террасирование склонов – одна из наиболее древних, широкомасштабных и мощных форм антропогенного морфогенеза, фактор, превосходящий по воздействию на ландшафт планеты все иные формы воздействия человека на землю, включая дороги и города. Террасирование горных склонов в целях повышения сохранения и аккумуляции почв, влаги, повышения урожайности признано одним из величайших достижений древнего населения наряду с одомашниванием растений и животных. Человек менял гору, но и она обратным воздействием меняла сознание горца, она меняла само общество, сотворившее эту культуру.

Террасное земледелие Дагестана является частью этой великой мировой системы. Но, что более интересно и важно, – Дагестан входит в зону, откуда, как считается, террасная культура распространилась по земному шару, то есть одним из древнейших исходных центров террасных технологий (рис. 1).

Труд, который вкладывался в создание террасных полей, известный кавказовед Х.О. Хашаев образно назвал нечеловеческим [1]. Такие поля, как нам рассказывали в Ирганае – одном из центров горно-долинного земледелия в Дагестане, строились, по яркому выражению собеседника, «цояз мугъалда чІван, цогидаз чехъалда чІван гохІде гамачІги баччун», т.е. «поднимая камни в гору, кто на спине, кто на животе». Террасы, построенные вручную на подпорных стенах, распространены в Дагестане по бассейнам рек Андийское Койсу (до ее верхнего течения – последний пункт с. Цумада), Аварское Койсу (до районов Гидатля и Келеба), Казикумухское Койсу (до Цудухара), Кара-Койсу (до Гилица, со значительными перерывами между Гунибом и Цурибом), Сулак (зона Миатли и частично Бавтугая). Они взбираются в горы достаточно высоко и по притокам указанных рек. Большею частью эти террасы орошаемы и заняты под горно-долинными садами. Впечатляющие лестницы подобных сооружений мы видим в окрестностях с. Ицари, на подступах к селениям Согратль и Гоцатль. Увидевший террасированные склоны в горах Дагестана в первой половине

ХІХ в. Фридрих Боденштедт писал: «... но как вечно не дремлющий человеческий дух стремится к тому, что для него трудно достигаемо, так и лезгины своим искусством, терпением и упорством сумели добиться богатств у своей неплодородной земли, богатств, которые она прячет под кажущейся непроницаемой корой скал и камнями... эти террасы обрабатываются как нельзя более заботливо и прилежно, их края обнесены фруктовыми деревьями и виноградом. Действительно, можно лишь удивляться искусству, с которым этот народ ... сумел превратить неприветливые скалы своей страны в цветущие сады» [2].

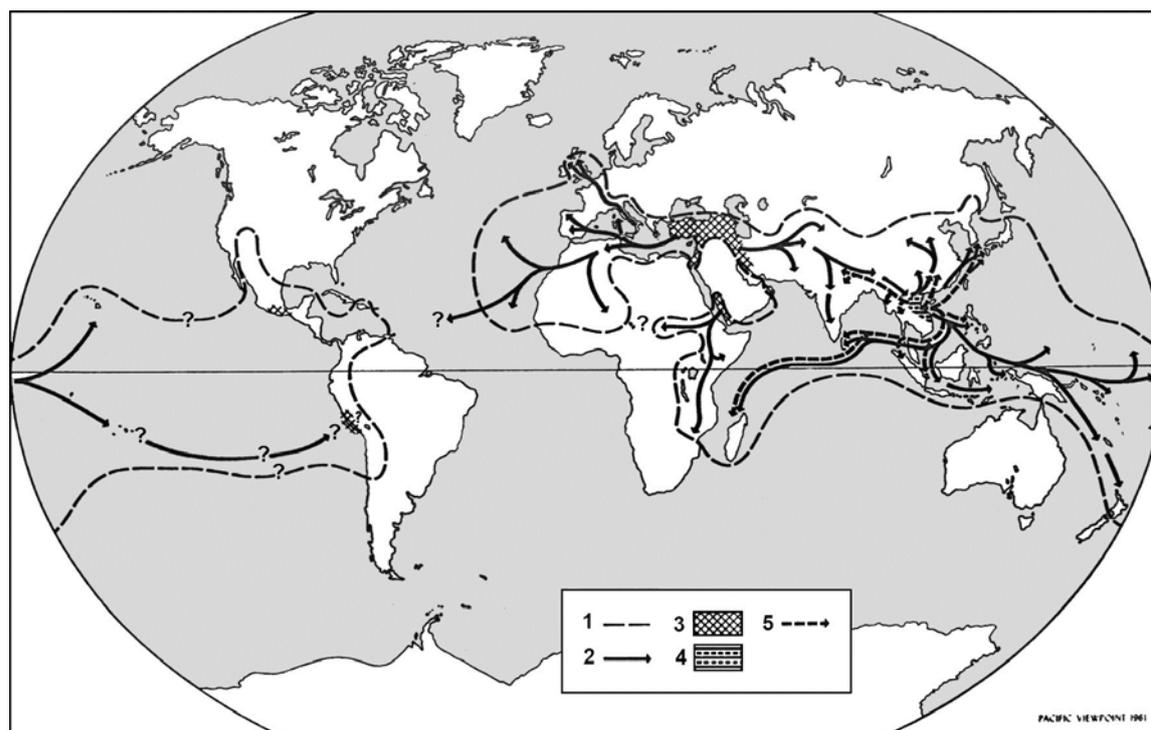

Рис. 1. Происхождение и распространение террасного земледелия.
Карта-схема по: [3]

Аналогичное впечатление произвели террасные поля на члена-корреспондента Венгерской Академии наук Мориса фон Дечи, спустившегося в 1885 г. из Анди в Ботлих: «В противоположность скалистому окружению сам Ботлих лежит среди цветущих фруктовых садов, полей и лугов, затененный стройными липами, настоящий оазис среди каменного ландшафта Северного Дагестана» [4]. Выдающийся генетик и ботаник, академик Н.И. Вавилов, открывший и изучивший крупнейшие мировые центры происхождения культурных растений, давал такую характеристику горному земледелию в Дагестане: «В Перу и Боливии и у нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане» [5].

Из многочисленных отзывов об этой выработанной веками системе народной агрикультуры в Дагестане здесь приводятся те, которые наиболее точно, на наш взгляд,

отражают картину земледельческого освоения горных склонов. Среди них, как представляется, наиболее выразительно высказался об этих ландшафтах, преобразенных из каменистых полупустынь в сплошные сады, участник так называемой Аварской военной экспедиции через селения Леваша, Хаджалмахи, Гергебиль в 1837 г. Я. Костенецкий. Приведем пространную цитату из его описания: «Везде скалы, утесы, дичь, глина, камни, нет даже земли. Природа здесь не производит ни одной былинки, а человек назло ей создал такую чудесную растительность, какую трудно иметь и в самых плодороднейших местах. Но чего стоила такая работа! Вообразите себе довольно крутой скат горы, то есть сторону ущелья. У подошвы ее закладывается толстая каменная стена, иногда более сажени вышиною, и пространство между стеною и горою насыпается землею, и таким образом составляется первая терраса. Повыше ее закладывается другая такая же стена; опять пространство между ею и горою насыпается землею, и таким образом далее, покамест скат горы не подыметя утесом и, следовательно, не позволит далее идти террасам. Смотри по местности, таких террас бывает до полсотни, и некоторые из них не шире сажени. Вообразите себе, что иногда на все эти террасы нужно было на спинах ишаков наносить плодородной земли, которую не всегда можете отыскать близко, и тогда посудите, какого все это стоило труда и, следовательно, как должен быть трудолюбив этот народ. Мы удивляемся голландцам, которые из болота сделали обитаемую страну. Но там образованность, наука, искусство, коммерция, правительство. А загляните в эти горы ... и вы действительно изумитесь, увидев среди этих диких и бесплодных гор прекрасные деревни, плодороднейшие и огромнейшие сады» [6].

Как создавались и формировались террасные поля; регламентация мегга. Террасные поля на подпорных стенах в Хиндалале представлены двумя типами: узкополосные (обрабатывавшиеся вручную) и широкополосные, т.е. с обширной полезной поверхностью (на которых применяли пахотное орудие)¹.

Узкополосные террасные поля на подпорных стенах шириной не более двух-трех шагов и разнообразной длины приурочены, как правило, к крутым от 30° до 60–70° склонам долин больших рек и их притоков, а иногда к почти отвесным скальным обнажениям. Их создавали рытьем склона горы обыкновенными кирками и лопатами, добывая камень, который сразу же шел на строительство подпорных стен. Кладка стены сухая с использованием щебня и земли.

Иногда встречается «циклопическая» кладка (с. Игали) с использованием огромных каменных глыб (рис. 2). В подпорной стене устраивали лестницы, чтобы взбираться с поля на поле, или специальные наружные выступы для той же цели. В окрестностях с. Согратль зафиксированы террасы со сводчатыми нишами в подгорных стенах. При сооружении таких полей учитывали сложную систему водоподачи с террасы на террасу, строя облицованные отводы, а в стенах своеобразные каменные сифоны и водосливы. Промежуток между склоном и стеной заполнялся землей, вырытой со склона, а поверхность в самом начале настилалась плодородной землей, принесенной со стороны и специально удобренной. Ею же заполняли ямы, вырытые для посадки фруктовых деревьев. Последующая аккумуляция почв происходила путем систематической и тщательнейшей обработки и удобрения (главным образом, органическими сочетаниями с зелеными удобрениями), и основную роль в этом иг-

¹ Сказанное не относится к садам и полям с. Муни, где вообще не применяли пахотное орудие, считая его работу грубой для тщательной обработки своих изумительно ухоженных полей и садов.

рало орошение, которое заносило на поле обновляющие почву частицы. Почвы на этих полях, таким образом, целиком антропогенны и резко отличаются по своим свойствам от естественных, зональных.

Рис. 2. Игалинский садовый оазис зимой в 2008 г. Фото автора

Жители Хиндалала среди этих узкополосных террас выделяют еще две разновидности. Это *кгадал*, в которых ширина поверхности равна приблизительно высоте подпорной стены. Названий таких полей множество в диалектах, само название *кгадал* значит «стены», называют их также *персал* – «скалы». В Ирганае этот же тип называют термином *кьирдул*, что на аварском ничего не значит, но этимологизируется, похоже, с андийского языка: *кьир* – «мост», *кьирдул* – «мосты». Сами андийцы такие террасы именуют *кIалибол*, что значит «ступеньки», даргинцы – *тIалтIи* (также и «подпорная стенка»; от *тIал* – «опора») [7] и *кканцурби* (досл. «ступени»).

Другой подвид узкополосных террас – это поля, на которых обрабатываемая поверхность очень узка (не более одного-двух шагов в ширину) и значительно уступает высоте подпирающей стены. Жители с. Аракани называют их *чIваял* (значение слова близко к понятию «налепить», «прислонить»). На таких узких полосках земли культивировали большей частью виноградники, реже – другие садовые насаждения; для посевов они серьезного значения не имели, хотя на них все же сеяли просо, фасоль, кукурузу. В с. Голотль зафиксирован случай, когда методом узких полос под садовые насаждения освоены были не только обычные горные склоны, но и травянистые межевые откосы обширных террасных полей.

Террасные поля на подпорных стенах с обширной поверхностью – это второй вид полей на подпорных стенах, называемый у аварцев *хур*, у лакцев – *хзу* (одновременно и «возделываемое поле, пашня»). Этот вид преобладает в районах распростране-

ния полей на подпорных стенах и, кажется, является более древним как сельскохозяйственная система, хотя, если судить по формальным признакам и по ним строить эволюционную схему, узкополосная терраса должна была бы предшествовать широкополосной. Так и логичнее: сперва узкое поле – полоса, первый шаг в переходе к террасной системе земледелия, а потом – шире и т.д., но это всего лишь логичнее, не более того. В действительности первоначальные шаги перехода к террасной системе должны были быть сделаны в речных поймах и у подножий гор во время манипуляций с оградами для задержки аллювиальных наносов и почв, что дает развитие более широкому полю, поскольку в упомянутых точках поверхность ровнее. Узкополосные террасы на крутых, а иногда и на очень крутых склонах гор, это, должно быть, завоевание в технологическом отношении более высокого ранга.

Высказываемые предположения о генезисе террас относятся строго к рассматриваемому типу – к террасным полям на подпорных стенах. Эти поля хотя и схожи с узкополосными по конструкции, но различаются по технологии строительства. Поля расположены на более или менее плоской поверхности речной поймы и формируются путем заграждения определенных участков от разливов самой реки. (Такие участки, впрочем, очень часто уносятся во время бурных разливов реки.) Орошенная часть имеет тенденцию к довольно быстрому затоплению илом и почвами, наносимыми сюда с окрестностей и изредка разливами, но в основном ирригационными и дождевыми намывами. Поле становится максимально плодородным (ил), когда разливы до поля уже не доходят и почвенная поверхность стабилизирована. Ирганайская, Гергебильская и Хаджалмахинская долины представляют собой классические примеры борьбы за землю в поймах.

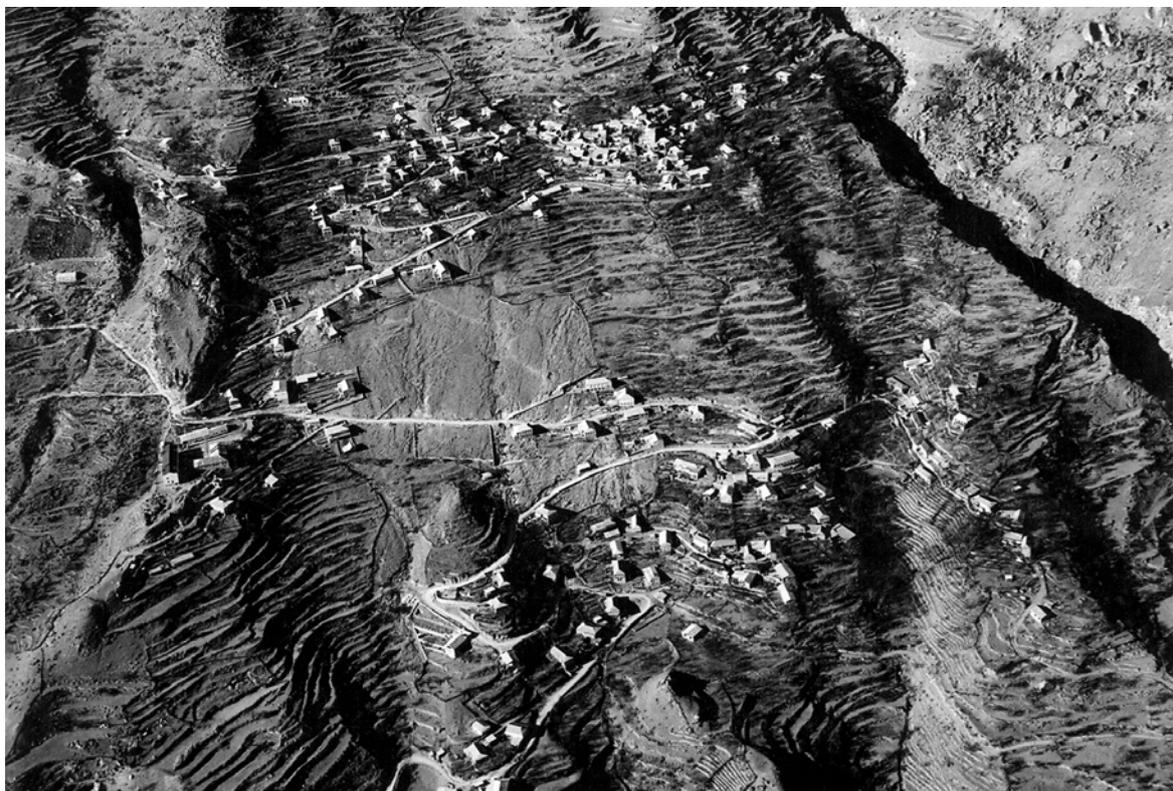

Рис. 3. Террасы Малого Гоцатля. Фото Х.М. Зургалова. 2009 г.

Террасные поля этого же типа разработаны на конусообразных выносах притоков рек и на пологих склонах. Они располагаются на невысоких подпорных стенах с обширной поверхностью (порой до 1 га). Ведущую роль в формировании этого подвида имела антиэрозийная каменная кладка, которая укреплялась из сезона в сезон и строилась каждый раз чуть выше поверхности террасы. Противоэрозийная кладка задерживала дождевые, ирригационные и механические перемещения почв при их обработке.

Выдающийся почвовед С.В. Зонн писал, что «все они (почвы) распределены на искусственных террасах, благодаря чему мощность их увеличивается вниз по склону, а в пределах одной террасы от начала к окончанию ее». Это следствие постепенного перемещения почв в результате механических процессов, происходящих на поверхности поля во время сельскохозяйственных процедур. Почвы на рассматриваемых видах полей – культурно-полевые, для них характерна хрящеватость, они более каменисты и менее глинисты. Они созданы руками человека «то переносом мелкоземистой массы на террасированные участки, то кольматажем отдельных участков, наконец, длительным окультуриванием бывших на таких местах естественных почв путем постоянного перемешивания с навозом и золой, аллювиальными наносами и выборкой камней» [8]. Шотландский дипломат и писатель Дэвид Уркварт по поводу сельскохозяйственных террас в Ливане писал, что «повсюду человек обрабатывает почву, а здесь он ее создает, повсюду итог – урожай, а здесь – почва» [9]. В этой связи вспоминается образное выражение жителей с. Инхо: «Гадамаца хур бижизабула, нижеца ракъ бижизабула» («Другие выращивают урожай, мы выращиваем почву»).

Обширные поймы рек в районе селений Хаджалмахи, Гергебиль, Муни и Ботлих освоены методом заполнения предварительно подготовленных ячеек («оросительных единиц») или того или иного участка, подготовленного к орошению, почвами, наносимыми ирригационными водами. Ирригационные воды брались или из основной реки (редко), или из притоков, и относительно и весьма эффективно – от дождевых потоков (Ирганай). При этом шло постоянное вековое наступление возделываемых участков (авар. *мегъ* – «пашня, сад», система окультуренных, возделываемых полей) на русло большой реки, суживая его. Если каменные ограды и ячейки оказывались не унесенными очередными ударами весеннего разлива реки или ее боковыми истоками, то они непременно после залива были заполнены землей и щебнем – основой для почв, заносимых, прежде всего, тщательно продуманной ирригацией методом ячейечного затопления.

Стены этих полей, как межевые, едва возвышались над поверхностью, будучи глубоко занесены наносной землей, а порою были вовсе скрыты ею. На садовых полях с. Муни стены еле выступают над поверхностью (но в реальности они высокие – до 2 и более метров), будучи погребенными в выровненную искусственным орошением мощную аллювиальную почву. Строительство и ремонт таких межевых и дамбовых стен осуществлялись не одномоментно, а из года в год. Информаторы сообщали, что в мунинском *мегъе* от стен на поверхности видна только приблизительно 1/7 часть их и что они глубоко уходят в грунт как «эшелонированная оборона» от бурных речных разливов. Такой способ освоения пойм плоскодонных долин в его полном выражении и гигантском масштабе, на основе которого была создана и сформировалась южноаравийская цивилизация, нам довелось исследовать в верховьях Вадид-Амд Хадрамаута [10].

В основном рассматриваемый вид террас использовался под различные зерновые, бобовые и садовые культуры. Интенсивная эксплуатация этих полей за короткое горное лето заключалась в том, что на террасах практиковали двух-трехъярусное земледелие – смешанные посевы разнородных культур (просо, бобовые, кукуруза; кукуруза – фасоль – огородные и т.д.), дополненные фруктовыми деревьями по краям полей. Расположенные на склонах, эти поля получали намного больше солнечного света, чем на ровном месте, что и использовалось земледельцами при практике многоярусных посевов.

Склоны гор, террасированные с помощью каменных подпирающих поле стен, производят впечатление гигантских каменных лестниц – следствие огромного человеческого прилежания и труда. Садовые насаждения на каменных террасах придают особый колорит земледельческому пейзажу. Террасированный *мегъ* с ирригационными каналами, акведуками, искусственными водохранилищами, дорогами, проложенными на каждую пашню-террасу, являлся застройкой с единой структурой, обеспечивавшей этому преобразованному ландшафту цельность. Такое впечатление создается еще и потому, что размещение и взаиморасположение всех названных компонентов было оптимальным, ирригация – централизованной и легкоуправляемой.

Наблюдаются случаи, когда тропы проложены по линии подземных арыков-каналов (ср. Игали, Чиркей и др.) – путем совмещения тропы и арыка экономилась земля. Не только террасирование, но и скрупулезная борьба за землю в «архитектонике» в самой террасной структуре *мегъа* создают впечатление строительства, заранее продуманного и спланированного. Таковыми предстают подобные искусственные земледельческие ландшафты и в других мировых центрах террасного земледелия [11]. На самом же деле мы знаем, что архитектоника аулов, как и *мегъ*, слагалась исторически, вследствие постоянных застроек и перестроек в заданных рамках пространства. Борьба за пространство была порой изощренной: случалось, что садовые насаждения по краям террас владельцы пытались делать таким образом, чтобы дерево росло не вертикально, а было слегка наклонено в сторону поля соседа, а тот, в свою очередь, сажал деревья с наклоном в противоположную сторону или в сторону поля другого соседа. Любопытно видеть старые фруктовые деревья, растущие не вертикально, а с легким наклоном в сторону соседнего поля, – это следы борьбы за солнечный свет и воздух. В аналогичной ситуации византийский закон требовал: «Если на сад падает тень от соседнего дерева, то пусть обрубит его ветки хозяин его» [12].

Споры возникали не только из-за каждой пяди земли, право на которую не было доказано, но и из-за, так сказать, воздушного пространства (разбирали способ посадки деревьев или постройку стены «не с тем наклоном»). Столкновения на этой почве могли привести к драматическому исходу, и это побуждало джамаат принимать специальные решения, по которым требование к нарушителю завышалось до такого трудновыполнимого уровня, что пресекало попытки нарушения принятых в обществе норм землевладения и землепользования. Вот одно из характерных адатных предписаний (в данном случае Келебского общества): «Если кто возведет вокруг своей земли стену, а другой предъявит иск и заявит, что эта стена ему мешает или вредит, то старейшины пошлют двух справедливых людей на место, чтобы проверить, действительно ли эта стена вредит истцу. Если они установят, что стена действительно вредит истцу, то пока стена не будет снята, за каждый день с ответчика взыскивается

штраф по одной овце» [13]. Эта конкретная мера по охране прав владельцев и пользователей земли в общем контексте отражает то, насколько все строение *мегъа* плотно соединялось в единую систему и частные секции (поля-террасы) составляли единую ассоциацию.

При террасировании только в крайне необходимых случаях допускалось прокладывание дорог, вьючных и пеших троп между пашнями; как правило, ограничивались несколькими главными трассами, имевшими общее коммуникационное значение. Перемещение на конкретное поле происходило по бровкам соседних террасных полей и настолько аккуратно, что тропа не образовывалась. Тот же принцип сохранения пахотной площади соблюдался при орошении поля – на конкретном участке не рылись постоянные каналы, а прокладывались только временные, которые после полива уничтожались и превращались в обычную поверхность поля [14].

Привод рабочего скота на поля и осуществление перевозок по *мегъу* до главных дорог в летний период, когда *мегъ* был закрыт, не допускались. Единовременный выход населения при начале полевых работ и на сбор урожая обеспечивал провод тяглого и вьючного скота на участок по полям соседей без специально проложенных дорог, тем самым экономилась драгоценная земля, которая в противном случае была бы поглощена дорогами. В с. Аракани, например, за пять дней до наступления дня сбора винограда глашатай объявлял: «Чияе нух бугеб ахикъа цѠороса ролъ нахъе босе!» («Те, по чьему полю-саду имеется (проход) на чужое поле, пусть уберут кукурузу!»). Не убравшие урожай не могли предъявить претензии за уничтожение и поправку посевов, находившихся на «дороге», т.е. на собственном же поле. Для того чтобы облегчить коммуникацию и циркулирование влаги, иногда ступенчатые террасы устраивались таким образом, что образовывали как бы единую ломаную линию лестничного марша.

Рис. 4. Кудалинские «пирамиды». Фото Р.Г. Магомедова. 2010 г.

Большие дороги, членившие *мегъ* на части и имевшие общественное значение, были отделены от полей специально построенными по обеим сторонам дороги стенами, образывавшими коридор между полями, по которому за пределы *мегъа* пастух водил часть молочного скота, оставленного на летнее время в ауле по решению джамаата. Эти дороги использовались в редких случаях, потому что в период «закрытого *мегъа*» запрещался вывоз с полей продуктов, фруктов, «хотя бы соломинки сена». Проведение общих дорог и создание сложных ирригационных сооружений было делом всего джамаата.

Пахотные террасированные поля находились в частной собственности с правом полного распоряжения в пределах джамаата, и это обстоятельство сказалось на том, что ни жители квартала, ни члены тухума не имели обязательного соседства полей. Соседство по *мегъу* считалось так же, как и соседство по кварталу, т.е. хозяева, чьи поля и сады были расположены в прямом соседстве друг от друга, занимая ту или иную часть *мегъа*, образывали ассоциации соседского типа с характерными принципами поведения (доброжелательность, взаимопомощь, скрытое соперничество, иногда и вражда были характерны для них точно так же, как и при соседстве в ауле).

Рис. 5. Террасные поля между сс. Кахиб и Гоор. Фото Х.М. Зургалова. 2009 г.

Известно, что во многих аулах с террасообразной планировкой крыши домов служили двором для расположенных выше домов. Крышей нижнего дома сосед сверху пользовался для всех хозяйственных надобностей (у дидойцев – даже для обмолота урожая), а крыша его дома, в свою очередь, служила двором для следующего, расположенного выше, и так до самого верха аула. Такое пользование крышей привело к

тому, что уход, ремонт и т.п. крыши осуществлялись не непосредственным хозяином дома, а верхним соседом, пользовавшимся ею.

Точно так же *мегъ* на склонах представлял собой нечто вроде гигантской лестницы, состоящей из полей с межами-откосами и с подпорными стенами. *Санал* (авар.), *гванна* (лак.) – межи-откосы, особенно в орошаемой части или на западных склонах, представляли собой первоклассные сенокосы. Хозяин террасы пользовался не откосом собственной террасы, а тем, который служил «экраном» его поля, т.е. межевым откосом верхней террасы, принадлежавшей уже другому хозяину. Забота о подпорных стенах террасы, выходящих как на «соседа сверху», так и на «соседа внизу», была делом той группы землевладельцев, которая имела к ним отношение, а иногда и отдельных землевладельцев, ибо ливневые прорывы на одних участках угрожали и далеко внизу расположенным полям [см.: 15].

Террасированные участки, расположенные в местах возможного ливневого прорыва, устраивали особенно прочно, порой на циклопической кладке. В окрестностях с. Игали нами были обмерены и сфотографированы террасы, стены которых построены из огромных каменных глыб, уложенных друг на друга. Подобные сооружения требовали усилий многих людей – не только владельцев расположенных ниже участков, но и всего общества. Экономическое благосостояние каждого из членов общины было важным фактором жизнеспособности общины в целом, оно поддерживалось общиной, если не строилось в ущерб общественным или частным интересам. Поэтому участие общества в любом строительстве индивидуального назначения и принадлежности рассматривалось как дело всей общины.

Топография полей, их характер и взаиморасположение обуславливались двумя важными факторами. Эти факторы схожи с теми, которые определяли складывание всей территории общины: формирование полей и их взаиморасположения шло одновременно и пропорционально формированию самого поселения. Сложившийся *мегъ* был, как и весь аул, единой структурой, хотя и разновремененно скомпонованной. Иногда отдельные части *мегъа* создавались единовременно, по заранее продуманному плану: каждому члену джамаата выделялся надел, после жеребьевки начиналось освоение наделов под сады, пашни и сенокосы, но выход за пределы намеченной джамаатом границы не допускался. Так, в с. Аракани в начале XIX в. по решению джамаата был отведен под террасные поля склон протяженностью около 3 км и высотой до 100 м. Ниже дороги и главного оросительного канала на всю длину склона было проложено до 70 ровных горизонтальных террасных лент. Их прокладывали по заранее продуманному плану и строили при полной кооперации труда. Подобные случаи отвода новых значительных частей пустошей, пастбищ и сенокосов под сады встречались не так уж редко (с. Аркани, Чох (местность, ныне носящая название «Коммуна»), некоторые участки *мегъа* в с. Муни, местность Буцрахъ в с. Игали).

Случалось и наоборот – отведение бывших полей на целые столетия под пастбища (так называемые заброшенные террасы). Забрасывались поля, окружавшие ранне-средневековые поселения, при их слиянии в большие джамааты и образовании тем самым крупных поселений (процесс синойкизма). Например, средневековые поселения, образовавшие с. Чиркей или покинутые населением в связи с усилением Чиркеевского общества, по сей день окружены заброшенными полями, ныне превратившимися в пастбища. Такова картина окрестностей множества крупных обществ. Северный склон горы Азал представляет собой террасированный луг, гораздо лучше

прорастаемый, чем обычный склон, благодаря конденсации здесь влаги. Процессы превращения лугов, пустошей и бедлендов в террасированный *мегъ* и наоборот были динамичными и неоднократно протекавшими, но всегда касались лишь части общего пространства *мегъа*.

О том, как пресекалось простое расширение *мегъа* по инициативе частных землевладельцев в целях увеличения своих пахотных угодий, свидетельствует следующее постановление: «Кто распахал хотя бы одну дорогу или одну борозду (имеется в виду ширина в 40–50 см – *М.А.*) общественной земли на солнечной стороне, с того взыскивается в пользу джамаата 2 овцы, а кто вспашет *харим* с теневой стороны на полсаха (приблизительно 1,5 кг – *М.А.*) посева зерна, с того взыскивается в пользу общества одна овца» [16]. Но расширение *мегъа* при острой необходимости было возможно с согласия общества. Старейшины указывали место и объявляли условия, на которых наделенный землей мог обрабатывать свой участок. Очень часто джамаат дарил тому или иному своему члену надел сенокоса или земли при известных заслугах члена общества перед джамаатом.

«Уборка сена и хлеба должны были заканчиваться к определенному сроку, – писал Х.-М.О. Хашаев, – после чего на убранные площади пускали стада овец, принадлежащие членам сельхозобщины. Кто нарушал регламент, тот подвергался штрафу по адату. Этот порядок был установлен, по всей вероятности, во избежание хищений, порчи и т.д.» [17].

Регламентация начиналась с объявления первого дня выхода плуга – авар. *оцбай* (досл. «выход быка») [см.: 18]. Затем регулировалось все, начиная с внесения удобрений и весеннего орошения и кончая сбором последних урожаев на полях и в садах. На мелкие работы, разумеется, люди допускались индивидуально, но наступал период, когда на территорию *мегъа* вообще никого не пускали или возвращавшимся с *мегъа* запрещали что-либо иметь с собой, будь то трава, овощи или фрукты. В целом *мегъ* оберегался как таковой, что избавляло хозяев от необходимости оберегать каждому свой участок.

Единовременный выход на весенние работы в поле имел не только календарное значение: на полях, которые одновременно засеяны, в целом и одновременно вызревал урожай, это давало возможность для общей массовой уборки, что, в свою очередь, было важно для «открытия *мегъа*» (авар. *мегъ рагъи*), т.е. предоставления *мегъа* для пастьбы стадам аула, которые к осени спускались с высокогорных пастбищ к окрестностям селений и хуторов, расположенных по внешней границе возделываемых полей.

Мегъ, таким образом, являлся не только комплексом пашен и сенокосов, но и осенне-зимним пастбищем, и использование его как пастбища было связано с планомерным освобождением пашен от посевов. Естественно, община была заинтересована в единовременном созревании злаков, условием чего являлся единовременный сев. Отсюда «закрытие *мегъа*» (*мегъ къай*), т.е. начало работ (пахота), и «открытие *мегъа*» (*мегъ рагъи*), т.е. окончание уборки урожая и отдача пашен под пастьбу, были едва ли не важнейшими организационно-хозяйственными функциями общины.

Хозяйственный рационализм в интересах всего джамаата ограничивал частное право свободного распоряжения временем работ членов общины на своих полях и в летнее время. Более того, с полей домой нельзя было носить овощи и фрукты без специального дозволения. Одновременные начало и окончание полевых работ были

необходимы и в целях нормальной коммуникации. Регламентацию всех этих работ называли *меггил гIадлу* – «закон меггъ».

Пятнадцатый день осени, когда разрешали уборку винограда в садоводческих обществах, превращался в праздник. Его считали настолько важным, что глашатай за пять дней объявлял, чтобы никто из селения не уезжал и чтобы убрали посевы, находящиеся на пути к полям соседей. Когда наступал назначенный день, первую заповедь – не трогать в садах виноград до дня объявления сбора винограда – нарушала женщина. Вернее, женщине предоставлялось право сорвать первые гроздья винограда. На рассвете женщины аула (каждая семья выбирала, кого послать) уходили группами в *меггъ* на свои поля в праздничном настроении, с пением песен. С собой брали *чIеп* – род специально плетеной корзины для фруктов и винограда. Наполнив эти корзины самыми крупноплодными и вкусными виноградными гроздьями, они возвращались домой. К тому времени все домохозяева ожидали приготовления блюда *цIурачадал* (кушанье, известное в дагестанской кухне как *чуду*), вместе с которым и поедали виноград. Затем все, кто в состоянии был идти, вместе с вьючным транспортом – ослами, на спину которых навьючивали крупные плетеные корзины для фруктов (*гьагьал*), выходили на поля. Толпы празднично настроенных людей, идущих на сбор винограда со своих полей, создавали особую атмосферу. На дороге со всевозможной тарой, а иногда постелив прямо около дороги подстилки, сидели обучавшиеся в медресе местные студенты (*мутаалимы*), перед которыми женщины на обратном пути клали кисти винограда. Одаривали виноградом и бедных пришлых (не членов джамаата) и тех жителей аула, кто не имел виноградного сада. Именно этого дня, как праздника, дожидался, согласно преданию, унцукульский старшина Омар Дибир, гостивший у кн. Чавчавадзе, к немалому удивлению домохозяев князя [19]. Имеются и документальные подтверждения особого внимания к дню открытия садов и снятия запрета есть виноград.

Орошение террасных полей и уход за ними. Террасы, особенно в бассейнах основных рек, орошались притоками больших рек, водами речек и ручьев, дождевыми потоками. Сложность горного рельефа, крутизна склонов, скорость и сила потоков подвигли горцев на создание самых разнообразных устройств и приемов акведуков, которые по рациональности, а иногда по сложности инженерных решений сродни террасным технологиям.

Еще до затопления с. Чиркей в 1965 г. нами была сфотографирована последняя функционировавшая дамба-плотина (рис. 6), от которой отводилась вода в каналы. Чиркеевцы с помощью каскада дамб-плотин и акведуков подняли из ущелья воду не менее чем на 30 м по вертикали и благодаря этому смогли разбить сотни гектаров орошаемых садов. Такая развитая каскадно-дамбовая система, кроме как в Чиркее, нигде не зафиксирована, хотя в более простых вариантах она спорадически встречалась по всей зоне Хиндалала

Головные каналы строились наиболее тщательно. Они обсаживались ивой, липой, тополями и прочими насаждениями, чтобы затенить и предохранить воду от излишних испарений. Жители долин (*хиндалал*) часто устраивали закрытые каналы. Там, где очень сильно дорожили землей, а также вообще хотели исключить потери земли и воды от испарения, строили подземные, крытые каналы. Такова почти вся оросительная система урочища Буцрахъ в Игали (рис. 7). Облицованные и крытые каналы проходили по улицам аулов, если аулы оказывались на пути проведения воды с ис-

точников на поля (с. Голотль). Каналы проходили рядом и под жилыми домами или прямо через помещение чьего-либо дома (с. Чиркей), что летом давало приятную прохладу (рис. 8). В домах чиркеевцев, они, естественно, также были крыты, но устраивались небольшие закрывающиеся люки, открыв которые можно было наслаждаться прохладой и шумом быстротекущей воды.

Рис. 6. Плотина для подъема воды в ирригационные каналы в Старом Чиркее. Построена на средства чиркеевского наиба, ген. Пазулава, вторая половина XIX в. Фото автора. 1965 г.

В Игали в местности Лъенсори (Тленсори) существует тоннель в горе, по которому вода перебрасывалась в соседнее ущелье. Особое впечатление производит внутрискальный канал в Цудахарской долине на Ташкапурские поля – тоннель протяженностью 500–600 м в рост человека пробит внутри скалы. Подобные скальные каналы были близ селений Чирката, Гергебиль (рис. 9).

Воду в горах перебрасывали самыми незатейливыми, но очень искусными каналами из деревянных, легко разбираемых желобов. Выдолбленные деревянные или дощатые желоба, опирающиеся на каменные или деревянные подпорные столбы, на которых желоб соединялся с другими такими же желобами, обеспечивали переброску воды порой в очень сложных условиях и на значительные расстояния через ущелья и по отвесным скалам (рис. 9–11). Своим развитым характером отличались акведуки в Старом Чиркее (рис. 12).

Об акведуках с. Хаджалмахи академик Д.Н. Анучин писал: «Около аула достоин внимания водопровод, доставляющий воду по трубам и желобам с другой стороны реки, на довольно значительное расстояние с гор. Такие искусственные системы орошения устраиваются жителями часто весьма искусно, при помощи простых приспособлений, на общественный счет» [20].

«В Дагестане вода проведена не в долины только – случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую даже через целое ущелье, в деревянных желобах, почти висящих в воздухе, на тонких и высоких подставках, иногда же ведет воду под землей в трубах», – писал П.П. Надеждин [21], очевидно, имея в виду керамические трубы-водоводы. Подземные облицованные камнем каналы, протянувшиеся на несколько километров, проведены по верхнему (левобережному) горизонту игалинских полей Буцрахъ. По линии канала (поверх канала) проложена пешеходная тропа в целях экономии в этих местах земли. Размахом строительства, инженерной точностью и оригинальным замыслом поражает канал, проведенный сквозь скалы в Цудахарской долине. Неизгладимое впечатление производят чиркеевские акведуки (рис. 8, 12), подводившие воду сначала в жилища отдельных кварталов и затем на густо засаженные садами террасные поля; ныне Старый Чиркей с его поразительной террасной агрикультурой лежит на дне искусственного водохранилища.

Рис. 7. Облицованный крытый канал в садах с. Игали.
Фото автора. 1965 г.

Каналы-акведуки близ с. Корода были проложены на многие сотни метров по вертикальным скальным обнажениям и перебрасывали воду через глубокие ущелья. Подобную же картину можно было видеть на подступах к Цудахару.

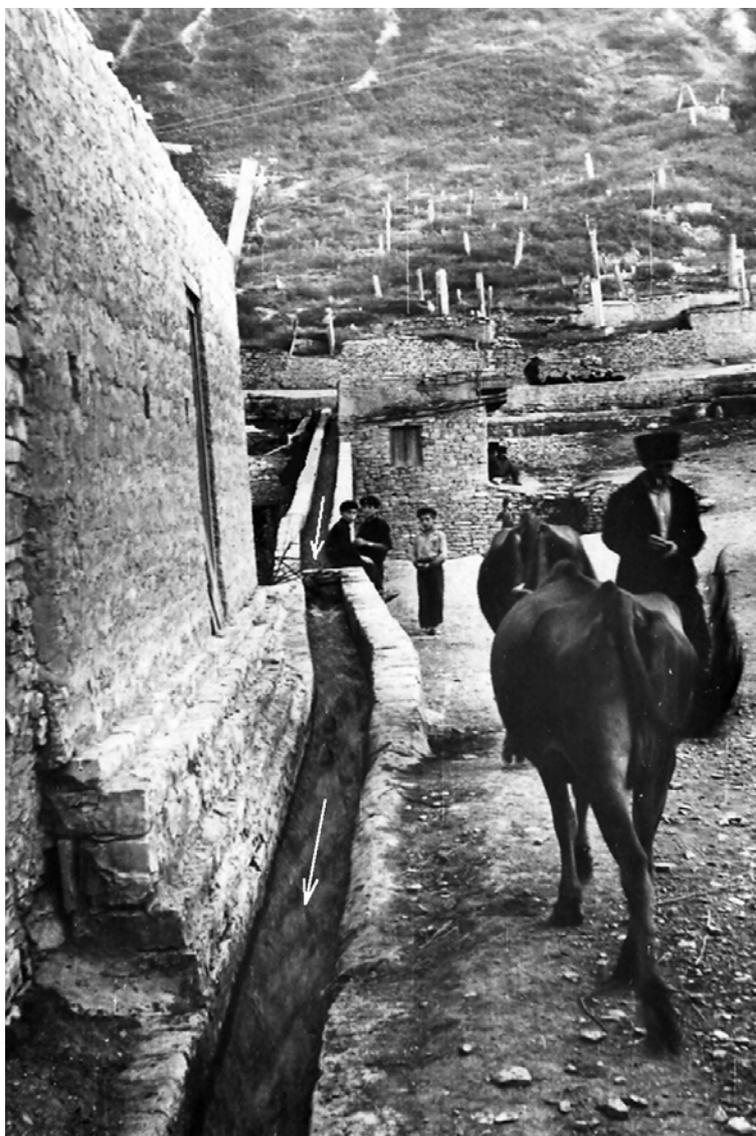

Рис. 8. Акведук, сначала подающий воду непосредственно в жилые камеры для прохлады, затем – на поля в с. Старый Чиркей. Фото автора. 1965 г.

Водораспределение осуществлялось закрытием или частичным закрытием стоков дерном, доской или камнем, и осуществлял это тот, чья подходила очередь на полив. В некоторых аулах встречались дома для проживания специально выделенного человека, который следил и распределял воду. В с. Гергебиль, там, где кончается главный канал (длиной в 800 м) и осуществляется непосредственная подача воды на поля, имеется сооружение *Лгел кIалтIу* («Ворота воды») (рис. 13), откуда смотритель-*мангъуш* (*мангъуш*) распределял воду на 16 дополнительных каналов, отходящих от головного канала. Должность распределителя в старину оплачивалась из общинной казны, а в советское время за трудодни.

Рис. 9. Переброска воды через ущелье и тоннели-каналы, пробитые в скале, с. Гергебиль.
Фото автора. 1967 г.

Рис. 10. Деревянные акведуки в садах с. Гимры. Фото автора. 1965 г.

Рис. 11. Ремонт оросительного водовода в с. Корода.
Фото автора. 1967 г.

Уровень воды в канале обычно определялся сравнительными пометками на стенах каналов – общее количество воды измерялось временем, вычисленным относительно единицы водоизмерения – «борозда-канал». Одна «борозда» вмещала воду, достаточную для работы водяной мельницы. Например, головной канал гергебильских садов вмещал 15 «борозд» воды. У разных обществ встречались и другие единицы измерения. В Хаджалмахи, например, употребляли термин *иркла*, которым обозначали рукав от главного канала. В общем же по Дагестану понятие «борозда-канал» было наиболее распространенной величиной.

Рис. 12. Акведуки в Старом Чиркее. Фото автора. 1965 г.

Рис. 13. Магил *кIалтIу* – «Ворота пашен» в с. Гергебиль.
Фото автора. 1968 г.

Вода считалась общинной, субъектом права на воду выступало общество, частное водовладение в горах не было известно. Поэтому сооружение, очистка и ремонт каналов делались сообща, по решению старейшин, о чем объявлял глашатай. Все население в объявленное время со своим инструментом выходило на строительство канала (равно как на очистку и ремонт). Строительство стен, акведуков и их ремонт поручались мастерам. А остальные подручные работы, как и рытье канала, осуществлялись всеми жителями. Не вышедших на ремонтные работы штрафовали по тарифам, принятым в каждом обществе. Отъезд (т.е. отсутствие в селении) во время ремонта не принимался в расчет (с. Голотль), т.к. глашатай заранее объявлял, чтобы в период ремонта никто не покидал селение по какой бы то ни было надобности. Если все же кому-то нужно было уехать, он должен был оставить за себя человека, который выполнил бы его работу. Глашатай в с. Ирганай объявлял, чтобы «мужчины и женщины все вышли на починку *Апарагадул Рахъ*». Работа на главных каналах распределялась по жребью. Ремонт и расчистку ответвлений выполняли владельцы тех земельных участков, куда поступала вода по той или другой ветке. И наконец, тот участок канала, который непосредственно подавал воду на поле того или иного владельца, ремонтировался непосредственно хозяином поля.

Специальных инструментов для рытья, расчистки и обработки каналов горцы не имели – употреблялись обычные кирки, ломы, лопаты, ручные повозки. Соответственно всем обществом устраивались и водохранилища, которых было не очень много. При современном расширении земледелия и садоводства в горных долинах водохранилища строили глубокие и добротные (с использованием экскаваторов и цемента). В 1960-х гг. они появились в окрестностях сс. Заиб (Хунзахский район), Ботлих (Ботлихский район), Голотль (Шамильский район) и др.

Поля орошали двумя методами: напуском и легким затоплением. Последний метод чаще использовался на террасных полях долин. Для затопления поля разбивали на мелкие участки (1×2 м, 2×2 м), обрамленные небольшими земляными валиками; затопив одно из них, поливальщик выдерживал время, достаточное для того, чтобы почва хорошо увлажнялась, и переводил воду на следующий участок. Подача воды требовала мастерства и умения – нужно было точно знать неизбежные наклоны и перекосы полей, чтобы выбрать нужные отправные точки напуска. Напуск делали мелкими ручейками во избежание эрозии и почвенного оголения более выпуклых частей поля. Но в целом же интенсивно эксплуатируемые орошаемые поля имели почти горизонтальную ровную поверхность, чему способствовало и само орошение.

Количество воды, наиболее оптимальное для орошения поля, у хаджалмахинцев (даргинцев) обозначалось специальным термином и определялось глазомерно [22]. При орошении полей пользовались лопатой *бел*, приспособленной для этой цели. При оросительных процедурах на узких террасных полях с густыми трехъярусными насаждениями пользовались и небольшими широколезвийными мотыгами, инструментом более тонким и удобным для подачи воды к основаниям густых насаждений, не повреждающим растения.

Оросительные порядки и законы. Орошение проводили два раза в год – весной и летом. Весенний полив (авар. *ихдалил лгалъай*) осуществлялся после ремонта каналов, ранней весной до пахоты поля. Перед весенним поливом разбрасывались удобрения, которые завозились на поля еще в конце зимы и которые лежали кучами.

Очередь на весенний полив устанавливалась по ряду полей от головного канала – сначала ближайшие, затем дальние.

Летний полив (авар. *роол лгалгай*) практиковался до конца лета, т.е. до начала созревания культур, и начинался вскоре после весенней пахоты.

В с. Гимры очередь на воду устанавливали по сельскому ряду. Каждое хозяйство по очереди могло пользоваться водой лишь в течение четырех часов, по истечении которых вода переходила в распоряжение следующего хозяйства. Количество пахотных угодий, принадлежащих одному владельцу, которому отведено 4 часа полива, не учитывалось. Поэтому случалось, что безземельные и малоземельные крестьяне продавали свою очередь по аукционным ценам. Единицей измерения воды служила «мельничная вода», т.е. количество воды, достаточное для работы одной мельницы обычной конструкции в течение определенного времени. Если случалось, что кто-нибудь не получал воду за летний сезон, то в следующем году очередь начинали с него. В с. Гимры ночная вода (*сардил лзим*) находилась в распоряжении сельских исполнителей (*чIухIби*) и являлась как бы страховой. Если исполнители обнаруживали, что чей-либо участок выгорает, то ему предоставляли воду для полива ночью.

В с. Игали порядок водопользования был иной. Здесь в качестве меры измерения воды употребляли понятие *дад* (*дад* – одновременно и название керамического сосуда для сбивания масла). *Дад*, как оросительная единица, равнялся количеству воды, протекающей через головной канал в течение 1/4 дня. Следующая, меньшая единица – *гIеретI* (аварское название кувшина для носки воды), равная количеству воды, протекающей за 1/8 дня. Следующей дробной единицей был *кзолониункз*² – он равнялся количеству воды, протекающей по головному каналу в течение 1/16 дня.

День делился на 4 *дада* по солнечным часам. Первый *дад* – это время, когда солнце взойдет и осветит близлежащую вершину *XIуллиса*. Второй *дад* – когда солнце осветит сельскую площадь-*годекан* (на *годекане* имелось помещение с навесом, освещение которого и имелось в виду). Третий *дад* – когда солнечные лучи осветят самую нижнюю часть внутренней стенки под навесом названного помещения на *годекане*. Четвертый *дад* – когда тень закроет ту же вершину *XIуллиса*. В ненастные дни положение солнца определяли по прочим приметам, даже по тому, куда дошло стадо скота, отправленное на пастбу с пастухом. Определение более дробных единиц (*гIеретI*, *кзолониункз*) происходило по солнечным часам (столб, на котором имелись деления), установленным на *годекане*. Водораспределителям в поле об истечении времени пользования водой давали знать сигналами с минарета: днем – размахивая буркой, ночью – светом фонаря.

Распределение воды в Игали было столь сложным делом, что были введены три должности, оплачиваемые обществом. Их занимали лица, разумеется, известные своей справедливостью, но главное, искушенные в тонкостях этого дела и грамотные. Занимающий первую должность – *лзел бетIерганчи* (что значит «владелец/хозяин воды») – обязан был следить за соблюдением условий пользования водой и улаживать конфликты, нередко возникающие на этой почве. Второе должностное лицо – *лзел милат гьабулевчи* («заботящийся/присматривающий/ухаживающий за водой») – обязано было во время орошения знать, где и у кого находится вода, каково состо-

² Термин *колониункз* этимологизируется как четверть мерки, что соответствует *сахIу* для сыпучих тел; вероятно, *кзолониункз* – другое название *сахIа*.

яние каналов, и обеспечивать своевременный отвод воды. Третья должность называлась *таптар ккуравчи* («держатель/хранитель книги») – у него находились записи-сведения о пашнях, подлежащих орошению, с указанием количества и размеров пахотной земли, принадлежащей тому или иному землевладельцу. Он располагал также таблицами часов и пр., вносил те или иные коррективы, связанные с изменениями в землевладении или топографии оросительных каналов. В *таптаре*, т.е. в «книге записей», было высчитано и установлено количество воды, необходимой для орошения полей того или иного владельца в измерениях, приведенных выше. Соответственно в с. Игали сложилась практика определения количества площади пахотной земли по приведенным единицам измерения оросительной воды – *дад*, *гIеретI*, *кголониункъ*. Нигде больше, как в Дагестане, так и на Кавказе, подобный порядок измерения пахотных площадей не известен; из дальних аналогий можно указать на Индонезию, где у народа бали единицей *тенах*, под которой обычно понимают территорию, орошаемую одним отводом от основного канала, исчислялись величины участков, размеры налогообложения и пр. [23]. Нужно отметить и измерение площади орошаемой земли, исключительно дорогой в прошлом для горцев, – стоимость одной десятины в горах доходила до нескольких тысяч рублей [24]. Учет количества воды, отпускаемой для полива, был возможен лишь при разработанных на практике стандартных нормах расхода воды на единицу площади – здесь соблюдался такой же учет, как и при засеве того или иного участка, размер которого в Дагестане определялся количеством зерна, употребленного для его полного засева.

Очередность на воду в Игали была зафиксирована списками в упомянутом *таптаре*. При этом очередность в списках была составлена по земельному цензу. Более крупные землевладельцы возглавляли список, а бедные и беднейшие замыкали. Однако фактической привилегии возглавлявшие списки в первоочередном получении воды не имели, т.к. список очередей вступал в силу после жеребьевки между четырьмя лицами, выбранными с четырех частей аула. Все четыре участника должны были обладать условиями, отвечающими цензу, – каждый из них должен был иметь участок земли не меньше чем на один *дад*, т.е. площадь которого была бы достаточна для орошения водами главного канала в течение 1/4 суток. Имя победителя в жеребьевке считалось отправным при распределении очереди по списку. Например, список включал 202 земледельца, различающихся по земельному цензу: 1-й – самый крупный землевладелец, за ним следующий 2-й ... 20-й, 21-й, 22-й ... 100-й ... и последние в очереди – 200-й, 201-й, 202-й. Победителем жеребьевки мог оказаться любой, например, 20-й или 200-й (если только был допущен к жеребьевке согласно земельному цензу). Если побеждал 20-й, он первым получал воду, затем 21-й, потом 22-й и т.д., замыкали список 18-й и 19-й землевладельцы. Если побеждал, например, 200-й, очередь устанавливалась подобным же образом: 200-й, 201-й, 202-й, 1-й, 2-й и т.д. Очередь, тем самым, начиналась с победителя, а положение в списке не давало никаких привилегий. Но привилегия для богатых состояла в другом. Когда доходила очередь, скажем, до богатого землевладельца, земли которого по игалинским нормам составляли, например, 8 *дад*, он получал воду в течение 2 суток (1 *дад* = 1/4 суток), а землевладелец с землей в 1 *дад* получал воду в течение 1/4 суток – т.е. вода оставалась у богатых лиц до полного полива их земель, что задерживало поступление воды на земли других жителей, стоящих в очереди. В с. Гимры, как уже говорилось, воду никто не мог держать более 4 часов.

Совершенно иная картина сложилась в с. Гергебиль. Распределение воды, как и всюду, происходило по жеребьевке. Для жеребьевки село делилось на четыре части соответственно четырем *авалам*-кварталам. Во время жеребьевки уравнивали людей по всем авалам так, чтобы каждый авал включал четверть населения. Затем в каждом авале население делилось на еще более мелкие группы, примерно по 25 человек. Эти последние группы именовались *рикьи* (от *рикьизе* – «делить»). Число *рикьи* равнялось числу основных каналов (*рахъал*), расходящихся от главного канала у *Магъил кІалтІу* («Ворота пашен») (рис. 13).

В Гергебиле было пятнадцать основных оросительных каналов и соответственно пятнадцать *рикьи*. Внутри каждого *рикьи* проводили жеребьевку, предварительно пронумеровав участников по порядку. Если, например, из 25 участвующих в жеребьевке победителем оказывался человек с порядковым номером 4, то очередь на дневную воду получали за ним 5-й, 6-й, 7-й ... 25-й, 1-й, 2-й, 3-й и далее «по кругу», по возрастанию порядковых номеров. Ночную воду получали в обратном порядке – 4-й, 3-й, 2-й, 1-й, 25-й, 24-й и т.д. Соответственно все лето в этой группе (*рикьи*) очередь на воду продвигалась «по кругу», где каждый в общей очереди получал то ночную, то дневную воду. (Если условно номера очереди изобразить графически в виде круга, то дневная очередь шла по часовой стрелке, а ночная – против часовой стрелки.)

Термин *лгел рикьи* (букв. «деление воды») фигурирует в документе о податях аварскому хану XVIII в. как податная единица с жителей с. Хиндах [25], что свидетельствует о формировании субобщины на принципах водопользования внутри джамаата. В порядках водопользования встречались и институты наследственного права на очередь полива. В с. Хаджалмахи таким правом наследственного или личного пользования водой не обладали сыновья новопринятого члена общины, а право на пользование водой обозначалось термином *иркла* (досл. «оросительный канал, полив»), которым обозначали и рукав от главного канала. Здесь же каждый новый член общества (не из пришельцев), т.е. женившийся сын члена общества, имел право на полив. Если у человека было даже 7 сыновей, каждый из них становился самостоятельным хозяином такого же *иркла*, как и его отец. Такой пай *иркла* назывался *бумккур иркла* – досл. «рожденный канал/полив» (т.е. канал, возникший в результате создания нового ответвления от основного канала). Для чужаков, поселившихся на территории общества, с его разрешения иногда выделяли *гІабумккур иркла* – досл. «нерождающий канал/полив» (т.е. канал, не имеющий право на последующее создание новой ветки) [26]. Хаджалмахинские порядки, как представляется, обозначили грани наследственных прав на воду. Это право так же свободно, как на сезон или на очередь, продавалось, покупалось, дарилось и т.д. Право на воду в этой долине было равносильно праву на жизнеобеспечение вообще, и в этом контексте понятно, почему пришельцы (*апараги*) в с. Ирганай прорывали и содержали магистральный канал для дождевых истоков.

Орошение в с. Ботлих имело свою особую регламентацию. Поля в Ботлихе орошались отводами от реки, текущей из малого форельного озера, а также из объемного искусственного водохранилища, построенного в 1970-х гг. на северных склонах ботлихского котлована. Оросительная система ботлихцев впервые описана в книге Б.М. Алимовой и Д.М. Магомедова «Ботлихцы» (1992). Сохранились также наши записки на эту тему, сделанные в 60-х гг. Ботлихский *мегъ* (*мигъи*) делился на семь крупных

оросительных блоков: 1) *Атишу* – этимология не ясна; 2) *ГьунчІахулу* – «позади села»; 3) *Инкубакъи* – «под оврагами»; 4) *РекъачІу ресхъе* – «вблизи горки (или старого поселения)»; 5) *Хамашуру*; 6) *ЦІанакъи* – «у колючек»; 7) *Себарду* – «первый» (или «стоящий впереди», такая этимология отражает его крайнюю позицию, а также его начальную позицию в очереди для полива).

Главный канал *Берхва* проходит через все семь частей. От него идут вторичные семь каналов, каждый на названные блоки, от которых третичные каналы в виде «опрокинутого дерева» достигают все частные сады и поля. Ботлихская система была устроена (что отмечается и Б.М. Алимовой и Д.М. Магомедовым) на принципе «опозиций», т.е. если один год очередь по орошению начинали вести с весны с верхнего блока и первого по списку, т.е. с Атишу, то на следующий год очередность начиналась со следующего по списку блока и фактическому расположению *мегъа* Себарду. Очередность на конкретные участки устанавливалась по тому же принципу: «верхний» – «нижний» в первый год и «нижний» – «верхний» во второй год. Ботлихская система ирригационных порядков построена так же оригинально, как оригинальны системы Хаджалмахи, Гергебиля, Ирганая, Гимры, Муни. Ни одна система не повторяла другую, а индивидуальные порядки водопользования вырабатывались, очевидно, веками, с учетом не только топографии местности и полей, а комплекса факторов – таких как наличие водных ресурсов, общинное устройство села (для очередей) и возможности регуляции.

Несмотря на многообразие оросительных систем, древние и уникальные методы водоподачи, высокую ирригационную культуру, вобравшую в себя тысячелетний опыт, орошение в горах оставалось ограниченным из-за исключительно сложного ландшафта.

Террасная система земледелия Дагестана в целом и в частности культура орошения в зоне Хиндалала, несомненно, заслуживают и дальнейшего сравнительно-исторического и междисциплинарного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 85.
2. *Bodenstedt F.* Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpf gegen die Russen. Frankfurt am Main, 1848.
3. *Spenser J.E., Hale G.A.* The origin, nature, and distribution of agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 1961. Vol. 2, N 1. P. 33.
4. *Шихсаидов А., Агларов М.* Семь путешествий Мора Дечи // Сов. Дагестан. 1970. № 5. С. 69.
5. *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 80.
6. *Костенецкий Я.И.* Записки об Аварской экспедиции на Кавказ 1837 года. СПб., 1851. С. 31; см. тж.: *Инхоса ГІали-хІажи.* Асарал. МахІачкъала, 1995. С. 50.
7. *Османов М.О.* Географическая среда и производящие формы хозяйства (по этнографическим данным) // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974. С. 71.
8. *Зонн С.В.* История почвоведения России в XX веке. Ч. I. М.: Ин-т географии РАН, 1999. 376 с.
9. *Urquhart D.* The Lebanon (Mount Souria). A History and Diary. L., 1860. Vol. 1. P. 1.

10. Агларов М.А. Хиджли верховой Хадрамаута (к изучению гуманитарного аспекта селевой ирригации в Южной Аравии) // История взаимодействия общества и природы: факты и концепции : тез. / отв. ред. В.П. Алексеев. М.: АН СССР, 1990. С. 9–10.
11. Wheatley P. Agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 6. 1965. P. 136.
12. Византийский земледельческий закон / текст, исслед., коммент., подгот. Е.Э. Лившиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская; под ред. И.П. Медведева. Л.: Наука, 1984. С. 109.
13. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы / сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева; отв. ред. Г.-А. Даниялов. М.: Наука, 1965. С. 82.
14. Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // Сов. этнография. 1952. № 4. С. 94.
15. Родионов М.А. Террасное земледелие в Ливане (к проблеме хозяйственно-культурной типологии) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 175.
16. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. С. 96.
17. Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 154.
18. Агларов М.А. «Когда празднуют мой праздник...» // Древности Кавказа и Ближнего Востока : сб. ст., посвящ. 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала: Эпоха, 2005. С. 141–146.
19. Агларов М.А. Законы Драконта в долинах Хиндалала // Мавраевъ. 2014. № 2(3). С. 31.
20. Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. С. 74.
21. Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула: Тип. Е.И. Дружининой, 1895. С. 63.
22. Из полевых материалов М.-З.О. Османова.
23. Маретина С.А. Соседская община у балийцев // Социальная организация народов Азии и Африки / отв. ред. Д.А. Ольдерогге, С.А. Маретина. М.: Наука, 1975. С. 141.
24. Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан... С. 399.
25. Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. : архивные материалы / сост., предисл., примеч. Х.-М.О. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит., 1969. С. 263.
26. Из полевых материалов М.-З.О. Османова.

Поступила в редакцию 15.06.2016 г.

Принята к печати 30.09.2016 г.